

Недавно случилось мнѣ прочесть сообщенный разсказъ, въ одномъ изъ многочисленныхъ китайскихъ сборниковъ «видѣннаго и слышаннаго» (Цзянь вэнь лэй бянь), гдѣ я нашелъ поясненіе отъ автора, что разсказъ имъ написанъ со словъ пріятеля, въ 1830 годахъ.

Изъ продолженія разсказа видно, что «Ли ма шэнь» и въ резиденціи «Лао цзы» не оставилъ своихъ грѣховныхъ наклонностей. Нисколько не постигая и не желая, вникать въ монастырскій уставъ, онъ, наконецъ, оказался между монахами очень не ко двору. Оттого въ главномъ совѣтѣ было порѣшено изгнать его изъ добродѣтельнаго святилища. Ему вновь пришлось попутешествовать на пегасѣ, который и доставилъ его въ новыя небеса, въ вѣдра Мухаммеда. Очутившись тамъ въ средѣ арабскихъ отшельниковъ, въ палатахъ объятыхъ пламенемъ, его сперва приняли милостиво въ признательность бывшихъ на землѣ панихидъ; но, однако-жъ, вскорѣ онъ оказался невыносимымъ. Онъ былъ обвиненъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ: пилъ водку, ѣлъ свинину, курилъ опиумъ и любилъ сообщество юныхъ учениковъ въ обиду самому престарѣлому владыкѣ. Съ нимъ послѣдовала быстрая расправа. Ехидные небожители Аравіи спровадили его въ подарокъ къ Далай-ламѣ, въ дебри Тибета, отрекомендовавъ съ самой лестной стороны, какъ академика, знатока китайской словесности, много потрудившагося за комментаріями буддійскихъ книгъ, переведенныхъ съ тибетскихъ подлинниковъ. Тутъ несчастный «Ли ма шэнь» попался какъ куръ во щи. Онъ былъ принятъ какъ свѣтило, со всѣми почестями, подобающими будто бы его учености, но на первыхъ же порахъ обнаружилось, что онъ ничего не смыслитъ ни въ буддизмѣ, ни въ ламаизмѣ, не смыслитъ и тибетскаго языка; а слышалъ только, что ламы охотники до баранины и до водки. Удивленный Далай-лама, уже съ давнихъ временъ презирающій всѣхъ, кто переступалъ врата Мухаммеда, потребовалъ «Ли ма шэня» предстать предъ его очами на экзаменъ. Экзаменъ оказался не только напраснымъ, но обнаружилъ и кошунство со стороны чернотѣлыхъ мусульманъ, когда «Ли ма шэнь», стоя на колѣняхъ и при присягѣ предъ несмѣтнымъ стадомъ барановъ, показалъ, что кромѣ предписаній по финансовому вѣдомству, да еще не всегда пристойныхъ романовъ, онъ ничего не читалъ уже лѣтъ двадцать, когда, получивъ званіе магистра, онъ выбросилъ со своихъ полокъ всѣ классическія книги. Услышавъ такое признаніе, Далай-лама впалъ въ экстазъ и поклялся, что предъ нимъ стоитъ не скромный китаецъ, а воплощеніе демона, что